

«БЕЛЫЙ СВЕТ НЕ РАЗЛИЧА»

ПИСЬМО

В РЕДАКЦИЮ

Дорогие товарищи!
Несколько лет назад я написал такое стихотворение:

Была в далекой стороне
смертельна рана пулевая,
и похоронку обо мне
прислала почта полевая.
Но, не смирившись
с той бедой,
она ждала меня упрямо.
И русской женщине одной
я говорю:
— Спасибо, мама!

Я словно чудом ожил вновь.
В то утро польская девчонка
свою мне подарила кровь
и опровергла похоронку.
Сроднился я с ее страной
в годину бед и испытаний,
и польской женщине одной
я говорю:
— Спасибо, пани!

В мой мир,
подаренный судьбой,
явилось вдруг совсем иное
с приходом женщины одной,
что стала в нем
моей судьбой.
И, трижды раненный, седой,
за теплоту и за участие
любимой женщине одной
я говорю:
— Спасибо, счастье!

Счастливый выпал мне билет:
Весь мир, что радостен и ярок,
послевоенных
тридцать лет —
судьбы негаданный подарок.
И снова молодость со мной,
и нежный взгляд
из-под платочка,
и юной женщине одной
я говорю:
— Спасибо, дочка!

В журнале «Юность» (№ 4, 1982) появилась пародия на это стихотворение, написанная известным мастером «вокруг смеха» Александром Ивановым. Называется пародия «Спасибо». Вот она:

И снова молодость со мной,
и нежный взгляд
из-под платочка,
и юной женщине одной
я говорю:

— Спасибо, дочка!
(Александр НИКОЛАЕВ)

Закон великий в жизни есть,
никто не смог его нарушить.
Должны мы ежедневно есть,
а говоря иначе, кушать.
Я съел на завтрак два яйца
(нет ничего вкусней
желточка!),

не ради красного словца
я говорю:

— Спасибо, квочка!
Я не люблю без толку пить
вино в количествах

немалых.
Но довелось мне как-то быть
в Крыму,

в массандровских
подвалах.

Я стал краснее кумача,
напился в стельку я —
и точка.

И белый свет не различаю
я говорю:

— Спасибо, бочка!
Мы пьем кефир, и молоко,
и чай, и кофе, и боржоми.
Вместить все это нелегко,
но есть удобства

в каждом доме.
Не беспокоюсь я во сне,
опять без инцидентов ночка.
Нет лишней жидкости
во мне...

Я говорю:

— Спасибо, почка!

У каждого своя стезя:
один — поэт,

другой — читатель.
Мне не писать стихов

нельзя,
иначе что я за писатель...

Пишу стихи я много лет,
и не кривой выходит

строка.

Судьбе за то, что я поэт,
я говорю:

— Спасибо! Точка.

Почему я вам пишу об этом? Может быть, вы найдете какую-то форму обращения к вашим читателям, чтобы они составили мнение о пародии Александра Иванова, имея перед глазами полный текст моего стихотворения, а не только отторгнутую от него последнюю строфу.

С уважением

Александр НИКОЛАЕВ

Точка зрения отдела критики «ЛГ»

Предлагая вниманию читателей письмо Александра Николаева, не можем не высказать своей точки зрения.

«Пародист — это прежде всего литературный критик, литературовед, причем пользующийся своеобразными способами, в том числе методами критикуемого».

Это определение — достаточно четкое — принадлежит «профессиональному сатирику-пародисту», как он сам о себе говорит, Александру Иванову («Неделя», № 19, 1982).

Соотнесем же теорию с практикой.

О чем идет речь в стихотворении А. Николаева? О благодарности женщинам, с которыми неразрывно связана жизнь лирического героя, — матери, не поверившей похоронке и вопреки ей ждавшей сына с фронта, той, чья кровь спасла его от смерти, жене, дочке... А что в пародии? Чревоугодие, пьянство, физиологические отправления...

Какая кощунственная трансформация содержания стихов А. Николаева! Что общего между ними и пародией? Ритмический рисунок? Повторы в концовках! Но у А. Николаева повторы «выстраивают» биографию героя, его судьбу, а в пародии они лишь повод для упражнений в остроумии, для «обыгрывания» приема, кстати, весьма распространенного в поэзии и не являющегося приметой стиля А. Николаева.

Нет, не «методы критикуемого» использует здесь А. Иванов. «Профессиональный сатирик-пародист» в данном случае вступил в явное противоречие с им же сформулированным пониманием пародии, а в редакции «Юности», видимо, не удосужились перечитать стихотворение А. Николаева и в результате, «белый свет не различаю», под видом пародии опубликовали тиражом 3 150 000 экземпляров не что, оскорбительное для поэта и по тону, и по существу.